

**Контрапункт в археологии: юбилейный сборник
в честь Кристиана Кристиансена**

(Bergerbrant S., Sabatini S. (eds.). Counterpoint: Essays in Archaeology and Heritage Studies in Honour of Professor Kristian Kristiansen. Oxford: Archaeopress (BAR IS 2508), 2013. xxvi+769 p.)

Сборник и юбиляр. Огромный и тяжеленный сборник в честь датско-шведского археолога Кристиана Кристиансена, основателя Европейской археологической ассоциации (ЕАА) и «Европейского археологического журнала» (ЕЈА), вышел к его 65-летию в 2013 г. под редакцией его учениц Софи Бергебрант и Серены Сабатини (Bergerbrant & Sabatini 2013). В томе 800 с. *in octavo*, а так как он весь отпечатан мелким шрифтом, то можно представить, каков объем содержания. Сборник назван музыкальным термином «контрапункт», потому что Кристиансен великолепно играет на клавишных, а контрапункт — это искусство наслаивать мелодии так, чтобы они хорошо звучали совместно. Кристиансен сочетает в своем творчестве ряд археологических тем и достигает поистине полифонического эффекта.

Юбиляр родился вскоре после войны — в 1948 г. Окончив Орхусский университет в 1975 г., он три года провел там как исследователь (нечто вроде нашей аспирантуры), и увлечение структуральным марксизмом имело результатом магистерскую диссертацию «Потребление материальных ценностей в бронзовом веке Дании: Изучение динамики экономических процессов в родоплеменном обществе», ставшую классикой датской археологии. А в 1979-м он был назначен директором отделения культурной истории в министерстве сохранения лесов и природы Дании (ныне это министерство охраны природного и культурного наследия). Он перестроил эту организацию и достиг выдающихся успехов, за что в 1984 г. королева Дании даровала 36-летнему археологу рыцарское звание.

К началу 1990-х гг. он и его супруга Лотта Хедиагер, также известный археолог, стали ощущать, что рамки датской археологии для них тесны: страна маленькая, должности, на которых можно развернуться, заняты, а творческая натура обоих требовала новых возможностей. В 1994 г. Кристиан принял предложение из Швеции возглавить кафедру археологии в Гётеборгском университете, ранее управлявшуюся крупным археологом К.-А. Мубергом, к этому времени давно умершим. А Лотта вскоре получила предложение занять профессорский пост в Осло, в Норвегии и ездила туда на работу «вахтовым методом» — через неделю.

В Гётеборге прибытие Кристиансена ознаменовалось резким умножением публикаций кафедры, увеличением числа защищенных диссертаций и т. п.

Ко времени переезда пал «железный занавес», археология Европы воссоединилась, и увенчались успехом усилия Кристиана по основанию «Европейского археологического журнала» и одновременно Европейской археологической ассоциации (ЕАА). Официально он был сооснователем, но в числе основателей он был главной движущей силой и стал первым президентом Ассоциации и первым редактором журнала.

Лично я с Кристиансеном познакомился в Копенгагене в 1993 г. во время поездки по европейским странам. Тогда он взял у меня интервью, которое было опубликовано в первом выпуске Европейского археологического журнала. С тех пор мы общались в Копенгагене и Петербурге, на конгрессе ЕАА, у него и у меня дома. Оказалось, что нас многое связывает. Оба проявляли интерес к теории, оба пытались осмыслить марксизм в его отношении к археологии, оба в одно и то же время осваивали значение внутренней критики источников, введенной в археологию Г.-Ю. Эггерсом (в 1978 г. вышли мои «Археологические источники» и его «Приложение критики источников к археологии»), оба заинтересовались этим раньше (я в своем курсе лекций, он в своей диссертации 1974 г.). Оба больше всего занимались бронзовым веком и историей археологической науки, оба выступали с критикой постпроцессуальной археологии, оба занимались еще много чем, оба отдали дань музыке (я даже книгу выпустил о ней, где есть глава и о контрапункте — реальном). Я написал пространную рецензию на совместный труд Кристиансена и Ларсона «Подъем общества бронзового века» (Klejn 2008), где оспаривал ряд их положений, затем сочувственно описал его творчество в своей «Истории археологической мысли» (Клейн 2011, т. 2: 419–421). Поэтому я с удовольствием принял участие в юбилейном сборнике и с большим интересом встретил его выход. Несмотря на то что я сам поместил статью в этом сборнике, я решил осветить его для русского читателя, игнорируя вытекающую отсюда неловкость (ну, свою статью о единороге и зооморфных скипетрах я рецензировать не буду). Из российских авторов кроме меня в сборнике участвуют В. Трифонов и Н. Шишлина.

Масштаб и разнообразие личности обуславливает охват и представительность юбилейного тома, как и его интерес для широкого круга читателей. В сборнике 87 статей 121 автора из многих стран. Он очень богато иллюстрирован, многие иллюстрации в цвете.

Для русского читателя сборник интересен тем, что позволяет представить интересы и идеи значительной части современной европейской археологии, особенно ее северного региона, уровень исследований и стиль научной презентации материала и теоретического осмысления. Сами статьи большей частью солидны и интересны, иной раз спорны, хотя попадаются и слабые работы.

Полжизни и первая тема. Festschrift разделен на 12 разделов. Разделение на разделы не всегда логичное и ясное — ну, конечно, разместить столько разнообразных статей было нелегко.

После первого раздела «Вне академических занятий», посвященного разным аспектам личности юбиляра, его биографии и библиографии, следует второй раздел «Ландшафт, демография и жизнеобеспечивающая экономика». Интерес к этой теме был для Кристиансена обусловлен его должностью в первую половину жизни и его марксистской ориентацией. В этом разделе 11 статей. В статье «Изменения во время позднего мезолита в центрально-скандинавской глубинке» Пер Персон, исследуя охоту на лосей, приходит к выводу, что характерная для неолита организация добывания пищи сложилась в этих местах лет за 500 до продвижения сюда сельского хозяйства. Андерс Фишер в статье «Потоп каменного века в Дании и Месопотамии» сопоставляет (по естественнонаучным данным) факты резкого повышения уровня океана в VII–VI тыс. до н. э. с библейским мифом о потопе. К.-Г. Шёрген и Т. Дуглас Прайс

поместили статью «Вегетарианцы или мясоеды? $\delta^{13}\text{C}$ с зубной эмали и неолитическая пища в коридорной гробнице Фрэлзегорден, Центральная Швеция». В ней авторы утверждают, что обычный анализ по составу человеческих костей искажает картину и завышает содержание мяса в пище людей, тогда как анализ эмали зубов говорит о том, что растительная пища составляла значительную часть питания. Наша соотечественница Н. Шишлина в статье «Степь и Кавказ в бронзовом веке: взаимоотношения и взаимообогащение» излагает выводы своего коллектива (с коллегами-естественниками) о сезонном подвижном скотоводстве культур предкавказских и понто-каспийских степей. Джону Бинтлифу принадлежит статья «Охват ресурсов, гнезда поселений и демография: исследования частных случаев и общая теория в греческом ландшафте от преистории до начала нового времени». В ней он исследует основу этих понятий в связи со структурализмом школы Анналов и феноменологией ландшафтов, рассматривает воздействие экзогамии и эндогамии на взаимоотношения доминантного центра с периферийными поселениями и густоту распространения артефактов вокруг центра.

В статье «Ожидая неожиданное: о сюрпризах Сажаломбатта-Фельдвэр еще раз» на материале телля близ Будапешта представлены новые данные о конечном периоде укрепленных теллей 2000–1400 г. на западном берегу Дуная. «Семена из огня: обугленные растительные остатки из раскопок Кристиана Кристиансена в Швеции, Дании, Венгрии и Сицилии» — так называется статья Г.-П. Стики и А. Г. Хейса. В ней из анализа семян сделаны выводы о составе урожая, планировке поселений и т. п. по разным местностям Европы бронзового века. В статье Й.-Х. Беха и К. М. Хорнстрип рассматривается 'зона 4' — северо-западная Ютландия, отличная от других частей. Кристиансен в свое время дал знаменитый анализ периодов бронзового века, по-разному протекающих в разных зонах, а теперь в поселении Ти получены новые данные, позволяющее проверить и уточнить его выводы. «Общины пастухов: длинные дома и организация ландшафта в раннем и среднем бронзовом веке Севера» — статья М. К. Хольста и М. Расмуссен. Авторы отмечают, что значение скотоводства обычно подчеркивается для Южной Скандинавии, но территориальная организация ландшафта строится для зернового хозяйства. Устанавливая очень неравномерную заселенность, они предполагают выделение зон для пастбищ. Англичанин Крис Госден описал разграничение полей в среднем бронзовом веке Англии ровиками и грядами камней (статья «Поля»), а Й. Берглунд рассуждает о природе фокусирования внимания на некоторых точках ландшафта — и использует это не очень археологическое рассуждение как повод для помещения ранних снимков юбиляра.

Смесь. Затем идет третий раздел «Ритуал, клады и болота», в нем 10 статей. По сравнению с другими разделами он несколько расплывчат, сюда могли бы войти многие статьи из других разделов, а статьи этого раздела могли бы войти в другие. Начинается этот раздел с моей статьи, уже упомянутой. Далее следует статья Кристины Армстронг Ома «Кони бронзового века: без дуалистичных объяснений». Под дуалистичностью автор понимает расхождение в индоевропейском отношении к коню — как божественному помощнику солнца и как тягловому трудяге. Она считает, что реальная зависимость от коней при путешествиях рождала оба этих образа (здесь явное упрощение истоков культа).

Жанетта Варберг — автор статьи «Госпожа битв и коней: антропоморфные боги и их культ в Скандинавии позднебронзового века». Суть статьи в утверждении, что женщины, которых считали отсутствующими на наскальных изображениях этого времени, на деле (как показано в работе Мильстрё и Кауля 2009 г.) на них рядом с повозками есть, но их принимали за воинов. А это изображена богиня, соответствующая греческой, хеттской и др. богиням, связанным с битвой и конями (Афина, Эпона, Иштар и др.), а в северной мифологии — Фрея. Тове Йорунгдаль в своей статье толкует клад из Будзене (Дания), состоящий из костей животных, женского убора и спиральных колец, как свидетельство женской ответственности за организацию усадьбы.

В статье «Путешествия бронзового века и становление космологий: снова о шлемах из Висксё» Хелла Вандкильде возвращается к паре бронзовых рогатых шлемов из торфяника Висксё. По Кристиансену они маркируют божественных двойников, соответствующих Диоскурам и Ашвинам, а Вандкильде привлекает для сравнения бронзовые статуэтки в рогатых шлемах, в том числе фигурки двойников с ярма Фодгарп. Изображения лебедей на шлемах связывают эти образы с барками полей погребений, а через них — с «народами моря» в Эгейском мире, где полно воинов в рогатых шлемах (шардана). Свенд Хансен поместил далее статью «Клады бронзового века и их роль в социальной структуре: случай из ЮЗ Зеландии». В ней дан обзор функций кладов. А. Грамш и Т. Мейер дают «Архелогический набросок ритуальной динамики и социального пространства», в котором ритуал (практика) отделен от религии и веры (догм). Действия сами воздействуют на общество, что видно археологически в длительной перспективе, утверждают авторы. Поэтому в кладах нужно сосредоточиваться на практике депозиции, а не на мотивациях. Мне это представляется вариациями на тему бихевиоризма, вряд ли полезными для пути от археологии к истории. «Насильственная смерть и болота: скелетные остатки с Готланда» — статья Софии Бергебрант с соавторами. «От ноги до факта: находка из Фрээр Бог в новом свете» — статья Уллы Манеринг и Нильса Линерупа освещает заново первый из болотных трупов Дании, точнее фрагмент: нога в обуви. Б. Нордквист представлен статьей «Символы идентичности: феномен из периода миграций на примере из Финнесторпа». Оружие и конский убор истолковываются как жертвоприношение военной добычи, на одном из фрагментов — лицо Одина.

Петроглифы. Следующий раздел, четвертый, посвящен наскальному искусству, включает семь статей. Пилар Пьетто Мартинес дала статью «Олень, козы, солнца, лица и геометрический узор: символы власти на преисторической керамике из атлантической Европы». На керамике II—III тыс. до н. э. преобладают геометрические мотивы, используемые для типологии, тогда как изображения представлены в наскальном искусстве. Автор распознаёт те же фигуры на керамике и связывает это с общеевропейской стратегией власти, сосредоточиваясь на культуре колоколовидных кубков. Стелы, включая Керносовскую, она считает репрезентативными статуями, означающими суверенность. Мешают этой интерпретации признаки животного на стеле (хвост). К. Хорн в статье «Насилие и мужественность» истолковывает 12 наскальных изображений мужчин с алебардой в регионе Монт Бего (французские Альпы) как символы мужской идентичности воинов, опираясь на подчеркнутые изображения гениталий.

Он даже реконструирует изображения тестикул, «отмеченные пустым пространством». Толковать пустое пространство как изображение — это новация К. Хорна.

В статье Ульфа Бертильсона «Отпечатки стоп на скалах — по следам космологических архетипов и пиктограмм для тысячелетий преистории» исследуются высеченные на скалах между 4000 и 3000 гг. до н. э. отпечатки стоп. Их наличные толкования (как следы невидимого божества, или покойного, или знаки почитания) автор считает не сводимыми непременно к одному. В одних случаях стопы парные, в других — одна стопа, в третьих — помечена цепочка следов. Л. Бенгтсон в статье «Суда наскального искусства как метод датирования» пишет о новых открытиях в Бохуслэне (Швеция). Там известны изображения доримского железного века, но есть и суда более позднего времени — вплоть до 300 г. н. э., а есть неолитические. Все они выбиты, но есть и одно росписью (римского железного века). Датировки — по сопоставлению с норвежскими. Пер Корнелл и Йохан Линг — авторы статьи «Наскальное искусство, активность (агепсу) и общество». В XX в. Бохуслэнское наскальное искусство рассматривалось как аграрная идеология, спроецированная на ландшафт, а преобладающие изображения кораблей и вооруженных людей имели религиозное значение. Некоторые исследователи полагали, что тут сказывались интересы элиты. Авторы противопоставляют этому идею, что некоторые изображения имели функцию «вторичных агентов» в ландшафте (используется смутное постпроцессуалистское представление об «активном агенте»). При этом игнорируется наличие хвоста у большой фигуры воина (т. е. нечеловеческая природа). Ф. Кауль назвал свою статью «Ходим и ходим вокруг — концентрическими кругами». Изображению концентрических кругов с кораблями вокруг с о. Борнхольм на Балтике автор подыскал аналогии из Шотландии, Сев. Италии, Испании и Скандинавии. Все они на берегах или на высоких выступах, видных с моря. Лене Мельгейм — автор статьи «Эпос, выбитый в камне: три героя, одна пара двойников-гигантов и космическая задача». Панель наскальных изображений Фоссума в Бохуслэне толкуется здесь как реализация мифа о творении и воссоздании вселенной тремя героями индоевропейской мифологии. Темы идентифицируются на основе ведических и нордических мифов: первобытный гермафродит, гигантский погубитель мира, собаки смерти, спасительные двойники, спасение солнца. Последовательность определяется по северному правилу бронзового века: справа налево, сверху вниз.

Погребения. За сим следует пятый раздел — «Могилы и погребальные памятники», еще семь статей. Первую из них ее автор, Т. Альстрём, назвал «Сажая ее даже прямее: дальнейшие заметки по остеологии и некродинамике мезолитического погребения из Барум, Скания, Швеция». Статья посвящена реконструкции первоначального сидячего положения мезолитического женского погребения в Баруме, ок. 8700 л. н. «Локальная логика, коридорные гробницы и неолитический ландшафт в Фальбигден» — статья Т. Аксельсона сообщает о раскопках трех новых коридорных гробниц в центре южной Швеции, где таких гробниц очень мало (они в массе — по западному и южному берегам). Эйнар Эстмо в статье «К границе — следы мегалитического ритуала в фиордах Норвегии» описывает культуру воронковидных кубков Норвегии. Она представлена в Норвегии в основном случайными находками топоров. Другие ее находки известны только в фиорде Осло (ЮВ Норвегия), это средний период

КВК, 3500–3100 гг. до н. э. (калибр.). Вместе с Меларен в средней Швеции это самые северные очаги КВК, более развитой в материковой Европе. Джон Чэпмен в статье «Экспансия и социальные изменения во времена Варны», исходя из обретения длинных рядов радиоуглеродных и других естественнонаучных дат для Европы реконструирует территориальные взаимоотношения и сдвиги культур, в частности вокруг Варны и выясняет вопрос, случайны ли успехи Варны или они включены в цепь изменений, более широкую. Он связывает с событиями в Варне («Эффект Варны») два сдвига: Караново VI — Гумельница — Коджадермен и Кукутени — Триполье.

Далее следует интересная статья В. Трифонова: «Что отличает кавказские мегалиты от европейских?». Кавказские дольмены, датируемые периодом между концом IV тыс. и концом II тыс. до н. э., сложены, по Трифонову, из очень точно обтесанных блоков. К ним примыкают круглые или полукруглые дворики. Дольмены Новосвободной и другие кавказские отличны от многих европейских. Происхождение их остается загадочным, многие миграционные гипотезы покоятся на ошибочных сравнениях, а ныне более совершенная методика раскопок (не только внутренности, но и ближайшей окрестности) позволяет их отвергнуть. Но Трифонов так и не дал даже намека на связь кавказских дольменов с европейскими или какими бы то ни было еще. Карта Европы, с которой начинается иллюстративный ряд Трифонова в этой статье, остается пустой. Между тем общее-то сходство остается, и оно не того свойства, которое позволяет предположить конвергенцию.

Статьей «Мегаломания бронзового века» Хенрик Тране на примере трех могучих курганов в Люзахой (Дания) показывает тягу элиты бронзового века к возвеличению своей власти. Статья покойного ныне Т. Арелиуса называется «Делая историю: ритуальные вариации вторичного употребления в дохристианском веке викингов в Халланд, ЮЗ Швеция». Имеется в виду вторичное употребление вещей бронзового века. Это не разграбление могил (есть даже следы специальных ритуалов), это их использование в идеологических целях — викинги создавали себе историю.

Вторая смесь. Шестой раздел назван «Материальность и социальные заботы». В нем 10 статей, слабо объединяемых по теоретической теме (рассуждения о материальности) и наличию социальных трактовок (хотя их можно найти и в других статьях). Здесь и исследования по мифологии, типологии и т. п.

Первая статья, без единой иллюстрации, принадлежит известному британскому археологу Тимоти Эрлу и называется «Три М: материальность, материализм и материализация». Материальность он рассматривает как свойство вещей, материализм (странным образом) как социальные и политические процессы на базе экономических условий, а материализацию — как социальный процесс, которым культура создается. Всё это на примере предводительского меча бронзового века, которому в статье уделен минимум места. Эта статья (она, конечно, теоретическая) мне непонятна. Спрашивается, зачем придавать новые значения понятиям, имеющим традиционные значения? Для новых значений требуются новые термины.

Статья Иоанны Софэр «Космология в глине: шведские шлемовидные котлы в среднебронзовом веке Карпатского бассейна» посвящена мотивам солнца и колеса на сосудах и связанным с ними космологическим мифам. «Запечатленные

в маленьких вещах: масштаб, материальность и миниатюры в раннебронзовом веке Британии» — статья Эндрю Джоунса. Он считает, что деления на аналитической шкале соответствуют онтологическим категориям — социальной и материальной. Как пример он рассматривает миниатюрные артефакты как элементы микрокосма (хотя могли бы рассматриваться проще — как модели обычных вещей, объекты взрослых и детских ритуалов). Кристиано Яя выступает со статьей «Выпивки во времена кризисов: алкоголь и социальные изменения в позднебронзовом веке Италии». В Южной и Северной Италии в позднебронзовом веке, когда произошли резкие социальные сдвиги, новая элита прибегала к церемониальным выпивкам, связанным с кремированием покойников и засвидетельствованным чашами для питья.

Богуслав Гедига представлен статьей «Культура раннежелезного века в ЮЗ районах Польши в свете новых исследований». Он дает карту и хронологию гальштата, включая Силезию и прилегающие районы Польши. Статья обильно иллюстрирована. В статье «Имея топор для шлифования: исследование традиции в сицилийском железном веке» Кр. Мюленбок по случаю вторичного использования каменного топора неолита или бронзового века в поселении VI в. до н. э. рассуждает о восприятии традиционных вещей. Элизабет Арвил-Норблад на примере золотых брелоков и бус из Швеции римского бронзового века, а затем из могилы, на 800 лет более поздней, чем век викингов, устанавливает преемственность и рассуждает о копировании древних образцов и значении исторической памяти для древних людей — всё это в статье «Золотые узлы — связующие память со временем и местом». Ярл Нордблад (прежний глава кафедры в Гётеборге) презентовал в сборник статью «Хореография мебели: искусство сидения, вставания и лежания». На образцах мебели из северного бронзового века (складной стул) и альпийского раннежелезного века (кушетка, трон) он реконструирует, как могли выглядеть эпизоды обыденной жизни и исторических событий.

Эльке Рогерсдоттер завершает раздел статьей «Игривый археолог: подход к игровым остаткам из бронзового века Мохенджо-Даро». Исследовательница собрала материал, показывающий, сколь обильно представлены игры в быту обитателей Мохенджо-Даро, но литературу главным образом черпала из этнографических и культурологических источников. Археологическую литературу она могла бы найти в моей большой работе об игре в кости, которая есть и на английском (Клейн 1997; Klejn 1999), там же представлены не только игровые, но и религиозные и социальные аспекты этих занятий. М.-Л. Стиг Сёренсен опубликовала в сборнике статью «Меч для вождя — разговор с Кристианом». Задача статьи двоякая: рассмотреть наличие мечей в датском бронзовом веке и понять роль мечей (и вообще можно ли оценить их качество). Ради решения первой задачи автор рассматривает, как формировалось это понятие в археологии. Ради решения второй рассматривает разнообразие мечей и предлагает больше внимания обратить на их производство. Она также указывает на то, что у меча две реализации: одна — как вещи, другая — как идеи меча. Так сказать, вещьность и мечевость.

Технология и ремесло. Седьмой раздел сборника посвящен технологии и ремеслу и содержит восемь статей. Йоганнес Миллер открывает раздел статьей «Упущенные инновации: древнейшие медные кинжалы на Севере

Центральной Европы и в Южной Скандинавии». Есть явное расхождение между развитием кинжалов в северной и Южной Европе (датировка их 3600–3300 гг. до н. э. — калибр.). На юге индивидуальные структуры власти позволяли применять вещи нового статуса, и медные кинжалы имитировались в кремне, тогда как на севере эти объекты были «потеряны в истории», ибо преобладающая коллективная идеология отвергала индивидуальные структуры власти. Только два импортных медных кинжала этого времени найдены на севере. Карта распространения очень убедительна. В статье Деборы Олауссон «Расщепитель кремня и кузнец бронзы» речь идет о ремесленниках с точки зрения археологического деления на каменный и бронзовый века в Южной Скандинавии. Сравниваются расщепление кремня и обработка бронзы. Специалисты по кремню неразличимы. В бронзовом же веке к периоду IV намечилась бифуркация: разработанная и простая технология. Так что специалисты по бронзе появились в период II. Это рассматривается на примере кремневого и бронзовых ятаганов из Дании. Арк. Марциняк и Х. Гринфилд дали в сборник статью «Зооархеологическая перспектива происхождения металлургии на Северо-Европейской равнине: следы разделки на костях из Средней Польши». Введение металлургии здесь рассматривается по соотношению следов кремневых и металлических орудий на костях животных при разделке туши от раннего неолита (около 4500 до н. э.) до конца бронзового века (около 700 до н. э.). Расчеты частот показывают, что введение бронзового века не сразу привело к исчезновению кремневых орудий из обихода.

Статья «Путешествия, передачи, трансформации и текстиль» написана М.-Л. Нош с соавторами. Используя изотопы стронция, авторы устанавливают иностранное происхождение многих материалов для одежды. Эта работа могла бы войти в следующий (восьмой) раздел, посвященный древним путешествиям. Статья о петрографическом и других анализах гальштатской керамики из поселения в Северной Венгрии написана А. Крейером с соавторами. Часть керамики оказалась местной, часть импортированной.

В статье «Корабль бронзового века, сделанный из камня: отчет и анализ из Лау, Готланд» ее авторы, Р. Скоглунд и Й. Велин, добавляют к обычным источникам изучения кораблей бронзового века (моделям и изображениям) выкладки из камня в форме кораблей. Аналогичная статья М. Артурсона следует сразу за этой: «Корабли в камне: каменные выкладки в виде кораблей, военные каноэ и парусные корабли в Южной Скандинавии бронзового века». Появляются они с позднего неолита, а в бронзовом веке связаны (в выкладке или рядом) с погребениями кремацией. Высокая пропорция ширины к длине (1: 5 — 1:10) говорит о весельных судах, а низкая (1: 2 — 1:4) — о парусной тяге. Статья Ю.-П. Таавитсайнена и Т. Куокканена носит название «В бронзовом веке шел снег — роль зимы в распространении инноваций в бронзовом веке». Тундровые и таежные регионы Евразии с охотничьей и рыболовецкой экономикой вошли в бронзовый век в середине II тыс. до н. э. Они разработали свои транспортные средства — лыжи и сани. В статье рассмотрены разные типы этих транспортных средств.

Древние путепроходцы. Путешествия и связи культур — любимая тема Кристиансена. Раздел восьмой назван «Путешествия и передача», в нем шесть статей. Первая из них принадлежит М. Роулэндсу и Й. Лингу и называется

«Границы, потоки и связности: мобильность и застой в бронзовом веке». Авторы полагают северным преимуществом в международной сети торговли металлическими изделиями морское положение и запасы янтаря. Они считают, что эта ситуация обуславливает границы территорий, связи и передвижения людей между ними. Статья снабжена картами с обозначениями руд, очагов торговли янтарем и металлом, а также таблицами космополитических кодов, маркирующих связи. Не обошлось и без схем с взаимодействием морской идеологии, морской практики и посредничающей морской активности (*agency*). Г. Фокконс, П. Валентийн и Д. Фонтин в статье «Археология из голландской сумеречной зоны» освещают, как две большие сети взаимодействия встретились в бассейне Рейна — Мойсе в Голландии. Но не все культурные явления смешиваются. Ряд металлических типов из атлантической сферы редко проникает на север, как и те в эту сферу. Условия плавания там и тут по морям очень различны (приложено несколько карт). Ф. Хёйлунд — автор статьи «Дильмун: южнее границ Месопотамии». Он показывает следствия изменения хронологических соотношений между Дильмуном, Месопотамией и Индом. На основе раскопок в Кувейте он сосредоточивается на времени около 1800 г. до н. э., когда был пик дильмунского государства, незадолго до его гибели.

Мэтью Сприггс публикует статью «Покидая спокойные гавани: от движения к неподвижности, от гомогенности к диверсификации. Сравнительная археологическая последовательность в западной части Тихого океана». Параллель к выводам Кристиансена и Ларсона автор видит в передвижке культуры Лапита с архипелага Бисмарка к островам Тонга и Самоа в западной Полинезии около 3000 л. н. Я. Чебрешук выступил со статьей на старую тему: «Таинственное сырье с дальнего Севера: янтарь в микенской культуре». Во втором тысячелетии янтарь был обилён в памятниках микенской культуры, и физико-химические анализы показывают, что это большей частью балтийский янтарь. Но не всегда. Проникал и янтарь с побережья Северного моря — другими путями.

Андерс Адрен в статье «Важность иностранных юношей» пишет, что для древних государств и империй имела огромное значение поставка в центр лояльных военных отрядов обычно из завоеванных стран или варварской периферии. Этот поток становился базой для последующих миграций и завоеваний центра периферией. Примеры приводятся из Скандинавии (варяги), центральной Европы и восточного Средиземноморья.

Теория. Девятый раздел — теоретический: «Превращение прошлого в проблему». В нем 11 статей. Открывается он статьей Дж. Баррета: «Гены и агенты: закрывая теоретическую лагуну». Он видит эту лагуну в разрыве между дарвиновской теорией эволюции в ее современном приложении к социальной эволюции и теориями человеческой активности (*human agency*). Выход из этого он находит в отрицании дарвиновской селекции как механизма эволюции вообще. Смысл эволюции автор видит в умении организмов считывать информацию об условиях, необходимых для их существования, и соответственно реагировать. А эти условия и умения очень различны. Автор не замечает, что при таком и только таком механизме нет прогресса и, следовательно, нет эволюции. Конечно, селекционизм в приложении к социальному миру есть упрощение, а «*agency*» — вообще смутное и лишнее понятие, детище моды и постпроцессуализма. Вряд ли стоит тратить усилия на закрытие лагуны между

ними. К этой статье примыкает статья лидера постпроцессуализма Яна Ходдера «Эволюция человеко-вещей [людей — вещей]: селекция и постоянство черт в Чаталхёйюке, Турция». В этой статье Ходдер на примере материалов раскопок Чаталхёйюка стремится разработать эволюционно-селекционистскую позицию, вводя понятия *entanglement* (вовлеченность) и *fittingness* (прилаженность). Он видит в своих материалах сеть отношений между людьми и вещами (люди с людьми, люди с вещами и т. д.) и старается их уравнивать. Для него люди выглядят «вещно». Он рисует (есть схема) очень запутанную вязь, в которой вещи и люди связаны друг с другом, но ведь на деле людей в раскопках нет, это всё проекция воображаемых величин на ту же плоскость, в которой реальные вещи. В итоге он пеняет Кристиансену за выделение производственных успехов и информации от успешных индивидов, воздействующих на прочее, и противопоставляет этому разнообразную вовлеченность всего и вся в эволюцию. Слово *entanglement* в переводе имеет еще одно значение: «запутанность».

Ник Торп в статье «Европа периода кубков — сражения, стычки или внутренний враг» рассматривает погребения периода кубков в Британии, на востоке Центральной Европы и в Западном Средиземноморье. Сравнивая оружие в инвентаре, пол и возраст покойников, их раны и т. п., а также укрепленные поселения, он приходит к выводу, что вопреки общему мнению в Британии и Центральной Европе это был период не войн, а скорее рейдов и стычек, но на иберийском полуострове и в примыкающей части Франции вооруженные конфликты имели более постоянный характер. Эта статья вообще-то не теоретическая, если исходить из того, что не всякая интерпретация фактов — теория. Здесь просто обобщение и интерпретация фактов. То же касается трех следующих статей. Статья Эммы Блэйк «Италия в Европе позднего бронзового века: от окраины к противостоянию» посвящена вопросу о европейской принадлежности Италии. В бронзовом веке, по мнению автора, Италия была не столько маргинальной по отношению к воинственной Европе, охваченной общей идеологией, религией и нормами становления аристократии, сколько противостояла ей. В своей статье «Повторяющиеся темы: индоевропейцы в норвежской археологии» Кр. Прескотт прослеживает эту тему в истории норвежской археологии. В маленькой заметке «Коллапс или устойчивость? Археология, метафора и глобальное потепление» О. Вестейнсон отвергает вообще перспективу гибели человечества, а к проблеме потепления, исходя из опыта археологии, относится со скепсисом.

К. Палудан-Мюллер в статье «О реках, горах, морях и идеях — или что широкие пространства и длинные линии означают для культуры и истории» предпринимает попытку соединить археологию с геополитикой и дает краткий очерк последней, но участие первой тут мало понятно. Эстер Банфи выступила со статьей «Является ли теория служанкой политического разума? Неолитическая революция в исследованиях социалистической Венгрии». В ней автор прослеживает воздействие советских взглядов на неолитическую революцию в Венгрии и избавление от них. И. Варгас Арена и М. Санеха Обеденте совместно написали статью «Венесуэла: революция, история и культурная идентичность». Статья наполнена трескучими революционными фразами о борьбе с прежним неокOLONIALИСТИСКИМ режимом, с американским образом жизни, о внедрении в археологию Венесуэлы социалистической солидарности

и прочих революционных благ. Напоминает советскую археологическую литературу рубежа 20-х и 30-х гг. прошлого века.

«Шерлок против Лестреда: исследование масштабов» — статья Фредрика Фаландера обратила на себя мое особое внимание, потому что я давно развиваю мысль о сходстве археологического мышления с логикой детектива и считаю это обстоятельство ведущим к выводу о природе археологии как науки. Фаландер усматривает в обычных логических ходах исследователей (от догм, от общего к частному) поиски Лестреда (всегдашнего неумелого оппонента Шерлока) и радуется за логику Шерлока (от частного к общему, от деталей, мелочей к открытию). Завершает раздел статья другого лидера постпроцессуализма — Майкла Шэнкса «Становление археологии: человеческое лицо прошлого-в-современности». «Прошлое-в-современности» — старая тема Шэнкса, еще от Бинфорда, новое здесь — «человеческое лицо»: отличие живой, реальной деятельности археологов от парадигм и теорий, от книг и статей. Для этого особого мира Шэнкс ищет формальные обозначения, терминологию. Мне кажется, что здесь подходят скорее ракурсы описания, чем термины, и я старался нащупать их в своей «Истории археологической мысли» и в подготовленной к печати «Истории российской археологии». Это общая тенденция в современной истории науки — антропологический или, возможно, антропоцентрический подход.

Практика. Десятый раздел, практика археологии, охватывает восемь статей. Начинается раздел со статьи известного британского археолога Ричарда Брэдли «Путешественник во времени: Монтелиус и британский бронзовый век 100 лет спустя». Автор подметил, что в отличие от маститых британцев Монтелиус в 1908 г. делил бронзовый век и датировал эти деления почти в точности, как современная калиброванная радиоуглеродная хронология. О. В. и О. Йенсены представлены статьей «Пересмотр антикварианизма: полупрофессиональные антикварианты и их полевая практика в Швеции в XVI и раннем XVII вв.». Авторы протестуют против стереотипа, считающего антикваров изолированными самоучками — они состояли в организациях и, получив неплохое образование, были наполовину профессиональными археологами. Лизе Бендер-Йоргенсен делится своим опытом объезда европейских музеев. С. Туза — размышлениями и гипотезами по подводной археологии в Центральном Средиземноморье (с обилием фотоиллюстраций и карт). С. Сабатини с соавторами сообщают о первых результатах раскопок городища Монте Камино в центральной Италии с предварительным лазерным сканированием.

М. Лён и Х. Петерсон в статье «Археология сооружений, полевая работа и теория» рассматривают ряд принципиальных вопросов в археологической дедукции, возникающих в поле и не только в поле: в чем заключается опыт? Что образует интерпретацию? В какой мере теория влияет на интерпретацию? Является ли проблемой историчность? И т. д. Это методологические вопросы, и статья по ошибке попала в этот раздел — ей место в разделе теории. Но в короткой статье такие вопросы не решить. Т. Ден в соавторстве с Хансеном и Вестфалем описывает «Реставрацию мегалитических могил в Дании» (название статьи), инициированную Кристиансеном и давшую много информации для понимания мегалитов. Статья Й. Банг «Путь к истории культурного ландшафта: датский источник о доисторических и исторических дорогах, их следах и связанных с ними структурах» могла бы войти в раздел о культурных ландшафтах, поскольку речь

в ней — о результатах работы Кристиансена в датском министерстве среды. Единой сетью дорог связано более 2300 местонахождений разных периодов. Впечатляюще выглядят дороги, помеченные цепочками курганов.

Наследие. Одиннадцатый раздел, изучение наследия, включает пять статей. Здесь мы возвращаемся к темам, навеянным датским периодом деятельности Кристиансена. Збигнев Кобылинский в статье «Культурное наследие: ценности и собственность» разбирая конфликты, вытекающие из прав собственности на объекты культурного наследия, предлагает руководствоваться принципом свободной доступности как идеалом, к которому нужно стремиться. Мария Персон и Анита Сюнестведт, ученицы Кристиансена из Гётеборга, вступают в дискуссию со статьей «Распоряжение местами наследия — нужна ли искра оживления?». Они излагают свой опыт организации на могильнике Пиланы в Бохуслэне постоянной выставки современного искусства, преимущественно скульптур. Матс Бюстрём с соавторами примыкают к этим статьям со своей, названной «От ангара ядерной ракеты к свинарнику: археологический фотоочерк о мировом кризисе 1962 года». Это подборка фотоснимков с одного из мест размещения советских ракет на Кубе, едва не приведших к ядерной войне. Снимки сделаны во время археологических работ. Корнелиус Хольторф и Андерс Хёгберг написали статью «Наследие будущего и будущее наследия». Они рассуждают о том, какие категории культурного наследия имеют будущее и не имеют его и что нужно сделать, чтобы обеспечить их сохранность. Схоже названа статья Джона Кармана: «Наследие конфликта и конфликты наследия». Он исходит из максимы анархиста Бакунина: «Тяга к разрушению — тоже творческая тяга». И продолжает: археологические раскопки разрушают памятник, но отсюда наша способность анализировать и понять его. Так он анализирует археологические остатки разрушительной войны... Этот ход рассуждений может очень далеко завести. Я предпочитаю надеяться на разработку неразрушающих методов исследования.

Завершение. Последний раздел называется *wrapping up* (завершение). Название построено на игре слов: в английском *to wrap up* означает одновременно 'завершать' и 'одевать теплую одежду'. Этот раздел состоит из одной статьи — составители сборника разыскали раннюю (1975 г.) и неизданную работу Кристиансена «Женская одежда и украшения в северном бронзовом веке», написанную на датском. Сабатини перевела ее на английский, ею и завершается сборник.

В сборнике, конечно, отразились общие интересы юбиляра: концентрация на севере Европы с расширением на всю Европу, преимущественно с хронологическим фокусированием на бронзовом веке, но с экскурсами в неолит и железный век, интерес к теории и праиндоевропейской проблематике, ну и, разумеется, обусловленные опытом его жизни занятия ландшафтом, экологией и культурным наследием.

Но можно заметить и некоторые черты более общих тенденций развития современной археологии в Скандинавии, которая примыкает скорее к англо-американскому тренду. Это особенно заметно читателю с востока Европы, где сильнее традиции немецкой и старо-скандинавской археологии.

Самым общим признаком современности является обильное использование физико-технических анализов, цветных иллюстраций и отличных карт на основе ГИС. Изучение ландшафтов осуществляется не просто на основе географического

и экологического зонирования, а с экономическими расчетами ресурсов, соответственно допускаемой демографией, и ландшафт выглядит не фоном для археологических памятников, а органически неразрывно связанной средой.

Если мы обратимся к логике выводов, то увидим заметное отличие по крайней мере некоторых восточноевропейских работ (Трифонова, Шишлиной, Гедиги) от большинства западных. На востоке и в центре Европы держится старая традиция обширного обобщения фактов, на основе которого очень сдержанно делаются немногие крайне осторожные выводы. На западе господствует иная манера: детально исследуется один частный случай, часто один артефакт, одна аналогия, на основе чего смело строятся великие теории. Я уже писал о том, что это различие частично вытекает из разной подготовки археологов: в центральной и восточной Европе археологов воспитывают на типологических штудиях, описаниях, каталогах вещей, университетское обучение продолжается много лет (5–7 плюс аспирантура), а на западе обучение в университете короткое (в Англии длится 3 года плюс аспирантура), вместо 2 семестров в году 3 триместра, с коротким временем для курсовых работ, на обобщение нет времени. Этот навык сохраняется. К тому же на западе традиционно поощряется смелость мышления, а на востоке Европы — дисциплинированность и осторожность. Каждый подход имеет свои плюсы и минусы.

Заметно и различие в трактовке теории вообще. В центральной Европе и на востоке теорией часто считается эмпирическое обобщение фактов (если оно обширное) и обычная их интерпретация, особенно если она свежая, с новым объяснением. Эта традиция держится и в Скандинавии. На Западе же, особенно в британо-американском мире, за археологическую теорию сходит любое философствование, любые рассуждения, любой «отлет мысли», если они не связаны непосредственно с археологическими фактами и занятиями, а лишь возникают по поводу таких занятий. Это ныне всё больше проникает и в Скандинавию. Для меня это всё крайности, а теория четко инструментальна и более тесно связана с методами (чему я посвятил ряд работ).

Европейская археология подвержена моде, и это тоже можно проследить в статьях сборника — увлечение зыбкой теорией «агентов», феминистскими трактовками, понятиями «материализации», «вовлеченности» и т. п. Этим кратковременным увлечениям служит хорошим противовесом статья Кристиансена о модах бронзового века, когда мода была столь устойчива, что терялось различие между модой и традицией, и всё же она сменялась.

Литература

- Клейн Л. С.* 1997. Происхождение нуля, или Древнейшая эволюция игры в кости между Индом и Дунаем // Ткачук М. Е., Манзура И. В. (ред.). Стратум: структуры и катастрофы. СПб.: Нестор, 47–66.
- Клейн Л. С.* 2011. История археологической мысли. Т. I–II. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Klejn L. S.* 1999. The early evolution of dice between the Danube and the Indus: Contributions to the early history of mathematics // *Acta Archaeologica* 70, 113–135.
- Klejn L. S.* 2008. The Bronze Age of Europe: Reflections on K. Kristiansen and T. Larsson: The Rise of Bronze Age Society (2005) // *NAR* 41, 213–228.